СТРАННИК

# ИРОНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

ПАРИЖ

СТРАННИК

# ИРОНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

ПАРИЖ
1975

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

«Ирония не есть истина, но дорога к истине».

*Киркегард*

«И младенец будет играть над норою аспида».

*Исайя XI*

## СКАЗКА О СИНЕВЕ

Я хотел бы сон мой странный
О стихии первозданной,
О Заплаканной Земле
Рассказать, земля, тебе.
Этот мой рассказ недлинный
Будет верностью старинной,
Синеве родных сторон.
Слушай этот странный сон.

Капли мелко и упрямо
На меня спадали прямо,
Непрерывностью дождя
Непорядок учредя.

Я же бодро и легко
Снарядился далеко.
*Я за небом снарядился,*
К Синеве я устремился,
Строить дом решил я свой
Под высокой Синевой . . .
Я шагал под мокрой сеткой,
Был *в дожде совсем, как в клетке.*

Ни в Москве, ни у Невы
Я не видел Синевы.
Несуразной великаншей

Тучи плыли над Ламаншем
И в доверчивый Гудзон
Шла вода со всех сторон.

Синева от мира скрылась,
Синева на небе мылась.
Дождь идти не уставал,
По спине людей хлестал.
Он выхлестывал безумность,
Он топил в земле бездумность,
Масок пестрых карнавал
С человечества срывал.
Покрывал он все дороги,
Утомлял сердца и ноги,
Заливал все сапоги,
И таланты, и мозги.
Над землей и океаном
Дождь бежал своим туманом
И мела его метла
Все житейские дела.
Кособоко и широко
Он за ворот шел к пророкам,
Проливал и в самый ад
Скучных слезок миллиард.
Все, что в мире знаменито,
Было все дождем покрыто.
Шел он в мир, как Серый Вождь,
Впереди народов — Дождь.

Дело сказке не указка,
Знает дело только сказка,

В ней прозрачно бытие,
Оттого продлим ее.

Чтоб в сиянье жизни верить,
Надо жизнь дождем проверить.
Через луч и через лед
К миру истина идет.

Термометры, барометры
Говорят про дождь и ветры.
И на мокрой я траве
Замолился Синеве:

«Синева, сиянье Рая,
Помоги мне, утопаю
Я во всех вещах земных
И хороших, и плохих.
Дай мне жить в твоем сияньи
Без ненужных расстояний,
Лег туман в мои пути,
Дай мне истину найти!»

*Слышу голос тихий:* «. . . сыне,
*Посмотри, как небо сине*
И сияние идет
Через чистый небосвод.
Словно снег на солнце тленный,
Пена туч сошла мгновенно
И, сквозь мокрую листву,
Я увидел Синеву.

Синева, как мир лежала,
Синева меня желала,
Открывала к миру вход
Через чистый небосвод.
*Синевою мир держался,*
В Синеве он отражался.
Отраженный в синеве,
Он родным казался мне.
*Удивлен я был без меры*
*Силой самой слабой веры.*
Вера мудрости дана
Доставать весь мир со дна.
Я глядел открытым взором
В эти синии просторы,
Что открылись мне в вещах.
Озарился даже прах
Предо мною неземною
Совершенной синевою;
Словно вечности навек
Обручен был человек.

Я земле, как небу верю,
Верю пчелам, верю зверю,
Всем тростинкам и цветам,
Сокровенным их устам.
Мир земной не только тленность,
Он и жизни сокровенность.
Мира чистое зерно
Человечеству дано.

. . . . . . .

Сказка вышла без начала
И вернулась без причала
К достоверности земной,
Долг поэзии за мной.
Не даю стихам приправы,
Где она, не знаю право.
Если в мире есть она,
Это, верно, тишина.

## ШВЕДСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

### I

Питался громом не из туч я,
Прошел всю землю поперек
И все искал благополучья
Хотя бы малый огонек.

Я плыл рекой и океаном,
Над облаками пролетал
И все искал по разным странам
Благополучья идеал.

Казалось, идеала сила
Влачилась жалостно в пыли.
И ничего не находила
Моя душа среди земли.

В пучинах зла сирены пели
И, как подводный организм,
Людей манил своей свирелью
На дне морей социализм.

Но только здесь, приехав к шведу,
В суровом и сыром краю,

Благополучия победу
Я в тихом слове узнаю.

Здесь не поют баллад о рае,
Никто не хвалится ничем;
Здесь достиженьем не играют,
Оно дано, как воздух, всем.

Здесь граждан тихая повадка
Ведет серьёзную игру . . .
И тут построил я палатку
У холла Фирис, * на юру.

Пошла полтавская победа
На пользу Карлу королю.
Хвалю благополучье шведа,
Социализм его хвалю!

Социализм без всякой маски,
Без лозунгов и лагерей.
Хвалю социализм без Маркса
И без трибуны главарей.

Благополучия поэму
Слагаю в честь его побед!
В социализм попали все мы,
Но выплыл в мире только швед.

---

* Место конференции В. С. Ц. в Упсале, 1968 г.

## II

В письме вчерашнем я неправо
За мудрость шведа похвалил.
Хвала, для мудрости отрава,
Пустая трата светлых сил.

На самом деле, все так сложно
И так изменчиво порой,
Что пострадать легко нам можно
От славы самой небольшой.

Как никакая страсть другая,
Слепит нас гордость каждый час,
В бесславье страны опуская,
В огонь и гнев бросая нас.

Вся жизнь — рождение вулканов
Ушедшей от любви души.
И мы летим за океаны,
Чтоб только спрятаться в тиши.

Но бегство нам не помогает
И мудрости не видно в том,
Что человек, ровесник Рая,
В пространстве кружится пустом.

Он умирает не нарочно,
А умирает потому,
Что в этом мире все непрочно
И слава не дана ему.

Дана работа. Безусловно
Средь шведов нету бедняков.
Социализм у них бесспорно
Построен без обиняков —

Социализм не в обещаньях,
А в старом шведском короле,
Который охраняет зданье
Социализма на земле.

Не льстит король своей державе,
Ему права на то даны,
И нет на свете лучшей славы
Себя не славящей страны.

Уже давно не знают шведы
Ни поражений, ни побед.
Все опьянения победой
Похоронил навеки швед.

Ему дана благая доля,
Сиянье мирного лица,
В преодоленьи гордой воли
И расширений без конца.

Швед осознал свои размеры,
Чужие и свои права.
Полна бесстрастия и меры
Его седая голова.

Дав мне покой, приют и тему,
Бумагу швед сготовил мне,
Чтоб я слагал свою поэму
О мудрости и тишине.

# ВОЛКИ

«. . . Легислатура приняла билл о включении серых волков в список подлежащих охране».

Газетное сообщение

Стрелка компаса всё качается,
Путь магнитности бестолков.
Запрещается, запрещается
Нам охотиться на волков!

Умножаются волки серые,
Как приятели и друзья.
Даже нашей слабою мерою
Нам их мерить уже нельзя.

Что нам с совестью делать, частникам,
Путь оказывается таков —
Все мы сделались участниками
Размножающихся волков.

Запрудили они все улицы,
Каждый дом и каждый подвал.
(Даже слышно, что арестуется
Тот, кто волком еще не стал.)

Умножаются показатели
Сохранения жизни злой.
Можно снять нам только с приятеля —
А не с волка, шкуру долой.

Охраняется, размножается
Немолчащее меньшинство,
И все более угрызается
Замолчавшее естество.

Гуманисты мы неумелые,
И себе, и другу враги:
«Человек, не ходи со стрелами,
Человек, волков береги!»

А вокруг города и улицы,
И посольственные дома,
Где утаскивает, как курицу,
Человека его страна.

Это все к эпохе относится
Телевизорных деревень,
Где и псу нельзя поерошиться
На бегущую волчью тень.

. . . . . . .

Так я думал, сначала горестно,
О законах любви к врагам.
Но теперь приплываю совестью
К самым правильным берегам.

Никакие законы властные
Не потушат солнца во мгле.
Пусть хотя бы волки несчастные
Будут счастливы на земле.

## МУЗЕЙ ТИССО

«В лондонском музее Тиссо приступлено к разбору восковой фигуры Никсона. Она будет перенесена в подвал».

Газетная заметка

Скрипит фортуны колесо,
Печальным толпам счастье строя.
А в Лондоне музей Тиссо
Всё лепит восковых героев.

Он выставлен, сухой герой, —
Не оживить его, не взвесить.
Увлечены его игрой
И полуангелы, и бесы.

Насмешкой больше, чем красой,
Украшены музея стены.
И восковую эту пену
Срезает смерть своей косой.

Смерть всё влечет во мрак подвальный,
Диктаторов и королей.

Но ты слезы своей прощальной
На это кладбище не лей.

Бессмертья мертвого зараза
Так часто обольщает нас.
Героям смерть дана два раза,
А мы все смертны только раз.

Им смерть готовится двукратно,
Героям этим восковым.
Уходит тело безвозвратно
И воск идет в последний дым.

Абдул-Гамиды и Насеры
Стоят, приткнутые к стене,
А после в ящиках фанерных
Лежат, как в адской глубине.

Их час проходит. Для музея
Герои больше не нужны.
И их музейные лакеи
Отодвигают от стены.

Так много игреков и иксов
Музей Тиссо низвел в чулан.
Почет героям новым дан,
Снят Помпиду, отвинчен Никсон.

Хранит музей людей сухих,
Немых, как высохшие реки.

И много этих восковых
Фигур, отвинченных навеки.

Меж Вашингтоном и Москвой
Герои мира быстро тают
. . . . . . . .
И — Форд в музей Тиссо въезжает
На колеснице восковой.

## ЖЕНЕВСКОЕ ПИСЬМО

Время тут стоит не жаркое
И Женева, как всегда,
Разукрашена подарками:
Дипломаты и вода.

И часы, конечно, точные
(Проверяет их У-Тан),
Делегаты правомочные
Ста семидесяти стран.

Бледнорозовые, синие,
Желтокрасные подчас.
И Монблан, сверкая инеем,
Белизною красит нас.

Было царство здесь Кальвиново
Много лет тому назад,
Но потом Женева скинула
Фанатичности заряд.

Всех теперь Женева милует,
Угощает и зовет.
Дипломатия бескрылая
Здесь готовит свой полет.

Приспособлены и здания
Для решенья всяких дел.
Можно здесь купить восстание,
Обменять сто тысяч стрел —

На саудовские акции,
Иль палермское вино . . .
Продаются здесь реакции,
Как и акции, давно!

И имеются возможности
Превращенья пыли в пыл.
Надо, чтобы с осторожностью
Мир к Женеве подходил.

Оставляя в хладной Швеции
Колкий шум ее дождей,
Я сперва причалил к Греции,
К мифам солнца и вождей.

Изваяния безликие
Там полны своей красы;
И века над ними тикают,
Как отставшие часы.

Жалко мне, что грек все пятится
К колыбельности своей
И несет ему невнятицу
На плечах своих Антей.

От элладских вод в Женеву я
Поспешил . . . И вот, Леман,
Предо мною гладь безгневная,
Исцелительница ран.

В этой глади что-то искрится
И покоится, меж тем . . .
То Женева, мать-кормилица
Государственных систем.

Но не все системы молоды,
Старым тоже здесь почет.
Солнца медленного золото
Над Женевою течет.

И пылит весь мир и кружится
Золотой Женевы прах.
Или это крови лужица,
Растворенная в лучах? . .

Не судьею быть нам надобно
Бедной участи земной.
О, явись на небе радуга,
О, вернись на землю Ной!

Женева, 1968.

## РАЗГОВОР С ПОЭТОМ
## О ВОЙНЕ

«Кто не убьет войну, того
война убьет».
Ив. Елагин

Я нахожусь в плену
Высоких слов из сна:
«Кто не убьет войну,
Того убьет война».

И не могу открыть
Я тайны неземной —
Как мне войну убить,
Когда она со мной?

Война идет ко мне,
Добро считая злом,
Сжигая Крест в огне,
Сдавая храм на слом.

Война есть каждый грех
И всякий злобный взгляд,
Она бежит на всех
И не глядит назад.

Повсюду разлита
Безумная война,
Ее берут в уста
Земные племена.

И по ступеням дней,
Спускаясь в круговерть,
Все громче и видней
Земля вбегает в смерть.

Мы там еще живем,
Где злобой горд злодей,
Меж непробудным сном
И сонностью людей.

А тень войны бредет,
Как раненный Адам,
Как неспасенный Лот,
По нашим городам.

## ВОССТАНИЕ БАБОЧЕК

Певцу и ловцу
Бабочек в новых травах,
Творцу, кузнецу
Острых булавок,
Эфирной отравой,
Сачком и скачком,
Речью-забавой,
Танцем затейности
Вплывающему в музейности —

Сообщаем: против его державы
Начался бунт правый.
Бабочкам в смерть не верится,
Бабочки на острие шевелятся,
Оживают, срываются,
От земли отрываются
И — не удержишь руками —
В небо плывут лепестками . . .

Пламя весеннее
Празднует свое воскресение.

Бабочка воскресает в творении,
Писатели — на колени!

Бабочки на небесных баррикадах
Выдают поэтам награды
И бессмертье при этом,
Прозаикам и поэтам,
В вечности нуждающимся
И кающимся —
В убиении разной
Твари бабочкообразной.

## РИФМЫ

С колыбельки до могилки
Мы летаем, однокрылки,
С неба тяжко ниспадая,
На одном крыле летая.
Возлетая за большим,
Только малое вершим —
То плоха у нас погода,
То невнятно время года.
Неба много нам дано,
А крыло у нас одно.
И, слабея год от году,
Мы летим в огонь и воду,
Во слезинку и смешок,
Во смешинку и слезок.

## АВСТРИЙСКИЕ БРАКИ

В спокойный час взгляни на брачный
Газет австрийских уголок,
Немногословный и удачный,
Счастливой старости залог.

Жених своим восьмым десятком
Здесь никого не удивит,
Особенно, коль он с достатком
И ничего в нем не болит.

Жену он хочет помоложе,
Пусть будет ей за шестьдесят;
Он обещает, и он может,
Ей быть отец, и муж, и брат.

Невесты любят вещи взвесить,
И женихи, ища приют,
Заранее своей невесте
Вопрос австрийский задают.

К примеру: есть ли дом? квартира?
В порядке всё, коль есть авто.
Не нужно сказок про «полмира»,
Пусть будет скромно . . . кое-что.

Бывает, ищут капитала
Для предприятия с женой,
Здесь дело близко к идеалу —
Но вот монтер, совсем простой,

Жены он ищет деревенской,
Хозяйку хочет взять он в дом.
Здесь ни к чему интеллигентский
Подход. Здесь честный брак с трудом.

Таится в этих объявленьях,
Австрийских, столько простоты,
Открытых чувств и размышлений,
Что женихам желаешь ты

Найти внимательную даму,
А дамам выбрать жениха.
Не видишь повода для драмы
И даже почву для греха.

Двадцатый век плодит героев,
На мир глядящих свысока.
Но тут воззрение иное
Глядит с газетного листка.

Простых людей ценить я склонен,
К чему нам дерзкие умы,
Что всё глядят в наполеоны,
Хотя бесцветны, как и мы.

Шумит, гремит герой бесчинный,
Земли мещанственный титан
И ищет разные причины
Громить мещанственно мещан.

Земле нужны другие песни . . .
И, думаю, я не один,
Кому прискучил *Буревестник*, *
Сей ницшеанский мещанин.

С душой простой всё в мире ясно,
С ней всё так просто и тепло, —
И не побьет ее ни Кастро,
Ни Маркс, ни Энгельс, ни Мао.

---

* Конечно, автор имеет в виду декламацию Максима Горького.

## РОД

Мы блюдем именье родовое
Эмигранта, праотца Адама.
Погружаемся всё те же двое
В эти радости и эти раны.

Не приходит к нам земля иначе,
Только радостью своей безликой.
И несутся в мире наши крики
Наслаждения, стыда и плача.

Разве можно в это счастье верить?
Мы ведь знаем, что оно такое —
Бедная зарница нашей смерти,
Пойманная нашею рукою.

## ОТВЕТ ГЕККЕЛЮ.

## РАССУЖДЕНИЕ О СКЕЛЕТАХ

Мы живем в скелетах-клетках
И бывает, что нередко
Средь скелетов ищем предков,
Притаившихся на ветках.

Но неясность есть в вопросе,
Кто кого хранит и носит:
Нам скелет поводырем,
Или мы его ведем?

Если ты, поэт, поверил,
Что душе открыла двери
Пыль, попавшая под дождь,
И *материя* твой вождь,

Если ты поверил в это,
Не зови себя поэтом!
От тебя исходит стук,
Ты уже скелет, мой друг.

Я же, в свой скелет одетый
От зари и до зари,
Вижу ясно, что скелеты
Душу чувствуют внутри.

О, поэты, верьте в это —
Надо нам любовь нести
И идти на мир сонетом,
А не шорохом кости.

## БАЛЛАДА О ВИНЕ

Манит землю мир фантастический
Леденящим своим огнем,
И горят над землею вывески,
Убивающие вином.

Насладится людям желалось бы
Бездн бесчисленных на краю.
И несут они в бездну жалобы
На пропащую жизнь свою.

Водка горькая, водка пряная,
Водка с тысячами имен,
Бред народов, тоска нежданная,
Плач надежды и смерти сон.

Убивают глаза безумные
Человеческое лицо.
И дивится земля подлунная
На неумерших мертвецов.

Но приходят нежданно-тихие,
Серафические друзья
И поют они тихими ликами,
Что душе умереть нельзя.

Сердце насмерть ранено ма́ятой,
Слух пропал у земных ушей,
Но живет надежда какая-то
Неприкаянная в душе.

Хочет в звезды укрыться пьяница,
Унести себя высоко.
А за ним, умирая, тянется
Жалость горькая всех веков.

## РАЗГОВОР НЕОРЕАЛИСТОВ

1-й поэт

Не кажется ль тебе, что поэты
В ризу самомнения одеты
И все носят один берет:
«Я настоящий поэт!»
Но, спрошу тебя, не посетуй,
Есть ли, вообще, поэты?
На этот вопрос я даю ответ:
*Поэтов, вообще, нет.*
Это просто недоразумение,
Что есть, вообще, стихотворения.
И, хотя поэты видны повсюду,
Они еще только *будут.*
Лишь перейдя на небеса,
Они отыщут свои голоса
И не все, а только малая их часть
Получит *поэта власть* —
Без мин и ужимок словесных,
Над миром нести огонь небесный . . .

2-й поэт

Слог твой, поэт, прекрасен,
Но я с тобой не согласен.
Мое — такое мнение:
Поэзия, это — все творение,

Облака, звезды и птицы,
Все, что поет, летает и суетится,
Все мотыльки, все букашки . . .
Нет у меня такой замашки,
Смелости такой нету,
Из букашек исключать поэтов!
Каждая тварь, на своей дороге,
И говорит, и поет о Боге,
Может, гугниво и неказисто,
Может, с каким-нибудь присвистом,
Истину, как солнце, встречая и провожая,
Всем естеством ее изображая.
Средь тварей поэт ничем не особен, —
Он во всем и всегда подобен
Этой твари поющей и верещащей,
Играющей и шумящей.
Если поэт тих и незлобен,
Он облаку весеннему подобен,
Что легко идет и исчезает,
Капли на землю проливает.
Если бередит он земные раны,
Бывает подобен серому туману,
Что ползет по утрам над болотом.
Если он мудр, то подобен сотам,
Полным животворного меда.
Такова жизнь, от Гомера и Гезиода.
Если годны для нее дрозды и синицы,
То и поэт для нее годится.

## ОПРАВДАНИЕ ЛИРИКИ

Ни двора на свете нет,
Ни кола, чтоб мерить свет.
Нет ни знанья, ни старанья,
Ни заслуг, ни оправданья,
Ни глядящих в мир очей,
Даже слов для жизни сей.

## ПОЭМА ПУТИ

*Русской эмиграции*

Людям нужно предвкушенье
И волненье чувств дорожных,
Даже, если утешенья
Нам дорога дать не может.

Уходи в просторы чувства,
Возвышайся к жизни новой,
Это ведь и есть искусство
Человеческого слова.

Даже, если мысль увяла,
И стоят над нею тени,
Иль ее быть может мало,
Для твоих стихотворений —

Открывай просторы слову,
В слове нет ни сна, ни лени,
Слово будет жить все снова,
Слово песням не изменит.

* * *

Мы считаем наши годы
Не простым летосчисленьем,
А явлением свободы
И свободы утомленьем.

Плод земной свободы горек,
Загляни в библиотеку,
Не спасешься от риторик
Восемнадцатого века.

Дым все тех же восклицаний,
Во грядущее влюбленных,
Обмираний, обниманий,
Шумов революционных . . .

И уже давно пора нам
Осмотреть свою свободу.
Мы в свободах — словно в ранах,
Мы в свободах — как в невзгодах.

Пересмотрим все системы.
Углубим свои задачи.
Пред своей свободой все мы
Повинимся и заплачем.

И тогда с аэропорта
Нам откроется отлично,
Вся свобода — в самом личном
Измерении четвертом.

* * *

За Курильскою грядою
И дымящейся бедою
Фуджиямой белоокой,
Слышен хладный ветр Востока.
И от Желтого залива
До самой пустыни Гоби
Совершаются разливы
Человеческой особи.
Миновать России вьюгу
Это — род удачи в мире.
Мы сворачиваем к югу
От больших ветров Сибири.
И летим к счастливым древним
Племенам земного лона.
Видим бедные деревни
Траванкора и Цейлона,
А от них ведет дорога
К бесконечности арабов . . .
Нас уже томит немного
От заоблачных ухабов.
Как в известной древней книжке,
По таинственным причинам,
В недрах каждой нефтевышки
Заперлось по сотне джинов.
Все они хотят чудачить
И кричат в своей бутылке.
Мы снижались неудачно
Средь пустыни скважин пылких

И влетели в очень странный
Бой людей, горящих верой —
Арафата и Хаганы
С самолетом Киссинджера.
И арабы, и евреи
С разных мест в него стреляли
И кричали: «Янки — змеи,
Вы несете смерть на жале!»

Мир достигнут малой кровью
Аргументов непреложных.
Единить людей любовью
В мире стало невозможно.

Скромность янки нерушима
И не ждет себе награды.
Почерневшие от дыма,
Оскорбленью янки рады.

Дары дружбы, что за малость!
Устарели дружбы дары.
Всех людей неблагодарных
Единит неблагодарность.

Не открытостью кристальной,
А глотаньем дымной пыли,
Как всегда, парадоксально,
Янки — всех объединили.

* *
*

Мы летим уже к Элладе,
Где искусство выше страсти,
Но в элладском стольном граде
Танки шли на смену власти.

Были мы тогда готовы
Опуститься в близкой Ницце,
Но пятнадцать забастовок
Нам не дали приземлиться.

Мы — в Париж . . . Но там сказали,
Что шумят бандиты что-то,
И идет на них охота
В пассажирском главном зале.

А из Лондона пираты
Объявили пассажирам,
Что указ Большого Брата
Запретил полеты в мире.

Можно в землю зарываться,
Можно плыть горизонтально,
Но нельзя небес касаться,
Сей стихии клерикальной.

За полет грозили штрафом,
Отомщеньем несомненным —

Братство «Черная Жирафа»
Уничтожит дерзновенных.

Всюду крик и неполадки,
То волнуются студенты,
То горючего нехватка,
То сменили президента.

Мы хватили кружку с горя,
Понабрав себе отваги,
И на Северное море
Полетели в Копенгаген.

Здесь родился Гамлет славный,
Не взирающий на лица.
Может быть дадут нам право
Тишиною насладиться.

Но шумят уже студенты,
Объявляя десять стачек,
Оттого, что город ренты
Не назначил для собачек.

«Революция! — в защиту
Датских догов и болонок!»
Восклицает полубритый
Принца датского потомок.

Датский бунт лишь развлеченье,
Пресыщенье пищей вкусной . . .

И Русалка * на верченье
Этих принцев смотрит грустно.

Во дворце танцуют графы
И бароны крови датской.
И пять тысяч порнографов
Продают свой хлам дурацкий. **

* * *

А на небе тают птицы
И своим холодным морем
Улетают к той границе,
Где родятся наши зори.

Полететь за ними можно,
Путь туда проложен верный,
Но вернуться чайкой сложно
И совсем не достоверно.

Если ты везешь доллары,
Или кроны, или франки,
Иль в Чикаго дядя старый
Счет тебе устроил в банке,

---

* Знаменитая в Копенгагене скульптура Русалки, из сказки Андерсена. Недавно ее попортили местные вандалы.

** Дания объявила полную свободу порнографии. (Датчане хотят, чрез утомление ею, ввести целомудрие.)

Ну, тогда ты невозбранно
Прилетай, хотя бы чайкой —
Обеспечит путь обратный
Генерал от Чрезвычайки.
Но когда в Чикаго нету
Дяди в добром настроеньи,
Или ты на положеньи
Зарубежного поэта . . .
Я скажу тебе жестоко,
Очень, может, нелюбезно:
Прицепи замок железный
К небу Северо-востока.
Ты не знаешь всей свободы,
Ты не с нею жил полвека.
Ведь свобода, это — годы
Умиранья человека.
Не свободна чайка-птица,
Не свободна ширь Аляски,
А свободны — Солженицын,
Григоренко и Синявский.

***

В небе серость капель мелких,
Умиранье свежих красок.
Снова в странной свистопляске
Наша компасная стрелка.
Тихий свет Земного Сада,
Покажись нам, хоть немного —

Ничего ведь нам не надо,
Только небо и дорогу.
Всё мятутся поколенья,
Жизнь людей необратима.
Пронеси нас, время, мимо
Всех неверных направлений.
Нам дается время лёта,
Путь доверья и награды.
И теперь стремим полет мы
К Заповеднику Канады.
Там живут в покое птицы
И медведи, и медузы,
Но — не могут примириться
Англичане и французы...

Труден мир. Одна отрада —
Золотая Бухта близко.
Мы несемся над Невадой,
Скоро будет Сан-Франциско.
Но не так-то в мире просто
Завершать свои дороги, —
Безопасны только дроги,
Что тебя везут к погосту.
Не успели самолета
Мы покинуть в Сан-Франциско,
Подошел к нам в маске кто-то
С очень сильным духом виски.
Удивленьем жизнь богата,
Все так дико, все так странно!

Дочь газетного магната
Нас похитила в Гаванну

. . . . . . .

Сняли янки шар чудесный
Над пустынною луною.
Был покрыт сей гость небесный
Неземной голубизною.

В голубом таком свеченье
Нам, землянам, плавать лестно.
Только надо, чтоб терпенье
Было тоже в нас небесно.

Революции без граций —
Таково несчастье века.
*Только волны эмиграций*
*Сохраняют человека.*

Есть в истории бездонность
Утомления землею . . .
От читателя не скрою —
Пью за эту утомленность!

**
*

Тускл огонь в окошке правом,
Красен дым в окошке левом,
Светом светится кровавым,
Злобой, завистью и гневом.

Не люблю я иллюстраций
Человеческого боя,
Конгрегаций, демонстраций
Зла, довольного собою.

Мне хотелось бы скорее
Видеть злых, главой склоненных,
Пусть хотя б еще злодеев,
Но злодеев утомленных,

Поломавших правде крылья,
Обративших церкви в хлевы,
Но — уставших от усилья
Повернуть луну налево . . .

Что ж, читатель, приземлиться
Время . . . Вынем-ка бинокли:
Генерал стоит в монокле, *
Рядом — бодрый Солженицын.
Расшифровывать напрасны
Были б наши тут старанья.
Меж *призваньем и изгнаньем*
На земле черта неясна. **

1974.

---

* Новый президент Юго-Запада Европы, открывший своему народу надежду на возможность совмещения свободы и порядка, к чему стремится и Северо-восток. (Примечание автора.)

** Истина эта подтвердилась и на генерале в монокле. (Примечание 1975 года.)

# ПЕСНЬ РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Оппозиция, оппозиция,
Что мне делать с тобой, земля —
Вижу в мире все те же лица я,
И полиция, и милиция
Все у тех же ворот Кремля.

Перешла откровенность улицы
В анатомии черный театр,
Психофабрик машина крутится
И старается психиатр.

Но любовь — не разноголосица
И не птичий базар в лесу.
В эти шумы, что в мире носятся,
Я любовь России несу.

Оппозиция, оппозиция,
Всех спасаешь ты, всех любя.
И любовь твоя не отнимется,
И милиция, и полиция
Не отнимутся от тебя.

## ГЛОБУС

Глобус, в черных океанах
С пестрыми материками,
Наклонился, словно пьяный,
Можно взять его руками.

Но не очень интересно
Вычислять его масштабы.
Сразу видно — людям тесно,
Ах, уйти бы им куда бы!

## ЛУГАНО

В длинных некрасивых пелеринах
Немки вышли к озеру Лугано.
Встали немки утром очень рано,
Словно это были именины,
Молока попили и, волнуясь,
К берегу пошли . . . Сияли горы.
Красоту такую неземную
Человек понять не может скоро.
Немки знают, нужно изученье,
Надо все понять неоднократно.
Я смотрю на немок, мне приятно
Видеть эту свежесть впечатленья.
Душу нам теперь ничто не ранит,
Красота сознанье не тревожит.
То, что есть, того сейчас не станет,
Да и нет того уже, быть может.
Мы прошли пожарищем великим,
Нечему дивиться нам в Лугано —
Жизнь, как небо, всюду первозданна,
Бытие бездонно, многолико.
И идут уже на нас кометы,
И ракеты наши в небо лают . . .
Но, кто *радость человека* знает,
Знает, что бессмертно только это.

1967, Лугано.

## ЗОННЕНБЕРГСКИЙ ТРАМВАЙ

Долгой верностью трамвая
Дышит город небольшой.
Никого не зазывая,
Он готов своей душой
Разместить людей примерных,
Делу верных и других
И позванивает мерно
В переулках городских.
Я смотрю на колыханье
Умиренных душ и тел,
Словно в наше мирозданье
Ангел вечности влетел.
Правя тихими крылами,
Он людей сбирает в рай . . .
Человека унимает,
Человека принимает,
Человека понимает
Только небо — и трамвай.

## КОВРИКИ

Два коврика, лежавшие в пыли,
Однажды меж собой беседу повели:
«Какая польза в том, — сказал один из них, —
Что ты передо мной лежишь смирен и тих?
Ведь мы с тобой не только половицы,
Но и ковры двух разных юрисдикций!
Прошу тебя, сосед мой дорогой,
Толкни меня разок-другой,
И я тебя ударить не замедлю,
Утешим-ка людей, порадуем-ка землю» . . .
«Идея добрая, — сказал другой ковер, —
Давай с тобой затеем спор».
Сказали — сделали, и в небе голубом
От их борьбы поднялась пыль столбом.
Изрядно бились братья, сколько было сил,
И ни один пощады не просил.
Ты думаешь, читатель, что они
В бесславии потом скончали дни?
О нет, окончилась прекрасно эта быль —
Друг в друге коврики *повыбивали пыль!*
И успокоились на этом братья наши,
И вновь лежат, один другого краше.

1954.

## ПОВЕСТЬ О ДЫМЕ

Как-то я покрылся мраком,
Словно черным-черным лаком.
Или ветр какой подул,
Или просто я уснул . . .
И откуда-то из теми,
Стал я речь вести со всеми.
На свет выйти не спеша,
Речи слушала душа.

Так что ты, читатель чуткий,
Не прими сейчас за шутку,
То, что я тебе скажу, —
Я Большой Любви служу.

Дыма черного скопленье
Получилось от куренья.
Миллиарды тел и душ
Взяли этот черный душ
Мрака, дыма и нагара.
Мраком мир покрылся старый,
Задымили люди ртом
И во тьму вошли потом.
И из этой тьмы кромешной
Мне послышался утешный
Голос разных мудрецов,
Человечества отцов.
Шло из тьмы еще иное

Слово, полное покоя,
Примирения с судьбой,
Был и суд над всей землей.
В мраке дымном, никотинном
Голоса звучали длинно.
Обратясь к земным словам,
Я лишь суть их передам.
Передам, конечно, тише,
Все, что я во тьме услышал.
Странны были те слова,
Переплет добра и зла.

*Голос первый*

Человек, наследье Рая,
Почему ты умираешь?
Для чего коптишь бока
Темным дымом табака?
Словно с тяжкого похмелья,
Ты вдыхаешь это зелье,
Как живящие струи,
Прямо в легкие твои!
Рабства тягостного знаком,
Ты потом болеешь раком.
О, не делай этот дым
Вечным воздухом своим!
И еще скажу на тему —
Ты шагаешь в эмфизему
И увозит дымовоз
Жизнь твою в туберкулез.

Брось в камин, гудящий жаром,
Папиросы и сигары,
Жалких пепельниц подбор,
И попробуй с этих пор
Не сквернить ума — бездельем,
А души — табачным зельем.

*Голос второй*

Не могу понять никак,
Чем вредит земле табак?
Он — врачебное растенье
И растет для вдохновенья,
Умножения идей
В малом разуме людей.
Разрушенье средостенья,
Есть табачное уменье, —
Социолог трижды прав,
*Трубку мира* в руки взяв.
Отношенья мира хрупки,
Где найдешь ты мир без трубки,
Без помятого слегка,
В желтых пальцах табака?
Лишь табак людей прощает,
Любит их, не осуждает,
Вьется сереньким дымком
Над усталым стариком,
Над солдатом и ученым,
Над скорбящим и влюбленным,
Над покинутой женой

И над участью земной.
Не ввергая в миловидность,
Он лицу дает солидность.
Всем бывает он к лицу,
И старушке, и юнцу.
И табак живет недаром,
Он подспорье людям старым,
Чем их можно поддержать?
Табаку им надо дать!
Облегчают ноги, спину
Миллиграммы никотину.
Как амур набравший стрел,
Никотин — «везде поспел».
Входит он в стихи поэта,
Проза жизни им согрета,
Он и мудрости дает
Открывать почаще рот.
Сцен домашних он смиритель,
Одиночества служитель,
И, хоть в чем-нибудь юнцам
Подражать дает — отцам.
Все враги его неправы,
Никотин смягчает нравы,
Если б Сталин не курил,
Он еще б людей побил,
Сотрапезников застолий,
Погубил народу болей
И в концлагерном плену,
Задушил бы всю страну . . .

*Голос третий*

Мы выходим на дороги
Очень странных аналогий...
Жизнь людей уходит в дым
Горьким запахом своим.
Дым по миру колобродит,
В горло к людям жадно входит.
Современный человек
Очищает русла рек
И содействует спасенью
Всех морей от загрязненья.
Чистить он теперь готов
Даже пену облаков,
Но не знает он однако,
Что лишь в нем одном клоака.
Так давно он в мире нем
Перед тьмой своих проблем.
«Крайне-левые» вопросы
Родились от папиросы
Дорогого табака.
Вечно действует рука
Зажигалкой или спичкой,
Страстью жалкой иль привычкой.
Сердца бедного недуг
Создает проворство рук.
Любят люди принцип мирный
Обсуждать во тьме трактирной.
Даже смертникам дают
Горечь дымную вдохнуть.

Словно мало кислорода
Заготовила природа, —
Заменителя ему
Надо сердцу и уму.
И теории большие,
Что клубятся над Россией,
Как пустые облака,
Родились от табака.
И — вина, конечно, тоже,
На табак вино похоже
(Стопка водки, это две
Папиросы в голове).
Подчиняясь разным дозам,
Дремлет совесть под наркозом,
В винных движется парах
И в табачных спит кустах.

Коммунизм российский горький
Зародился от махорки,
И дает ему разгон,
Вместо Маркса, самогон.
(Самогон и Самиздат,
Этим лишь народ богат!
Два конца его свобод,
Среди них он слезы льет.)

*Голос четвертый*

Загрязняют мир отбросы,
Но еще сильней «вопросы».

Размышлений тяжек труд,
Часто в мрак они ведут,
Но придет куренья время,
И с души спадает бремя.
Жизнь победна и легка
В дымной славе табака.
Мысль тогда кочует смело
И безделье, словно дело,
Мысль отважную несет
С папиросой — прямо в рот.

Людям в мире жить тревожно...
Но не думай, смертный, ложно,
Мыслью трезвой, но больной,
Что — табак всему виной.
В мире есть грехи важнее, —
Например, с трибун злодея,
Всенародно прославлять,
Унижать святую мать,
Или к Данту в предисловье
Тыкать Марксу славословья,
Приглашая всех подряд
В глубь материи, во ад.
Иль в квартале пребогатом
Все сидеть, корпеть над златом,
Черным златом нефтяным,
Иль каким-нибудь другим.
Одинаковым развратом,
Дышат бедный и богатый,
Словно крепким табаком.

И колхозы ввел парткомом,
Со своей партийной книжкой,
А не жалкий табачишко . . .
Мрак есть грех *людей* — никак
Не повинен в нем табак . . .

*Песнь из темноты*

Мир во тьме уже давно,
Льется тьма в его окно.
Тьма звенит своею медью
Из потухнувших созвездий.
Грозы темных облаков
Открывают черный ров.
Тьма, как светом людям светит,
Умер свет на этом свете!
Мир сошел теперь с ума,
В тьме сокрылась даже тьма . . .

*Авторские заметки*

Мир земной судить нам рано,
Но уже открылась рана
Всех неверностей земных,
Рану трогает мой стих.
Может быть совсем невольно
Я кому-то сделал больно,
И прижег своим огнем
Душу чистую во всем?

Нет поэту извиненья,
Если он вошел в истленье,
Если он сошел во мрак,
Где живут миллионы врак.
Жизнь земная — дым соблазна,
Люди все дымообразны
И уходят в серый дым
Даже обликом своим.
В человеческой структуре
Без конца проходят бури,
Бури ходят напролом,
Будят совесть бурным злом,
Открывают зла причину:
Мы живем наполовину
В достоверности земной,
Половиною другой,
Для себя необъяснимо,
Мы в свои уходим дымы.
И немыслием своим
Все похожи мы на дым.
В этом дыме нет соседа
И об истине беседу
Не с кем в мире нам вести.
Землю, Господи, прости!

Этим кончим нашу повесть . . .
Дымом белым всходит совесть
И чуть-чуть светлеет стих
Средь неясностей своих.

1972.

## ПОХВАЛА СУПРУЖЕСТВУ

«Мы ведь, как вы знаете, одно целое»
Из письма иоэта о жене.

Черным по белому,
Пишу существу целому,
Где у общего и личного
Нет столбика пограничного.
Существо это необыкновенное,
Неделимое, нешвенное,
Растущее, как растение,
Без всякого средостения.
Особенность у него толикая,
Оно — двуликое
И, если один страдает порой,
То стонет непременно другой.
Таково единство существа,
Стоящего выше естества
И, само того не зная,
Вошедшего в радость Рая.
Честь воздаю жизни *одной!*
Я же, весьма земной,
Далек от ее законов,
Полон — самых личных — охов и стонов.
Но, видя у кого-то совершенство,
Предвкушаю и я его блаженство.

# ПОСЛАНИЕ В КЛИН
# ОБ АТОМНОМ СОГЛАШЕНИИ

Привет славному городу Клину!
Приветствую Виталия и его дружину,
И шлю всем русским людям доброе пожелание
По поводу подписания
Всемирного Соглашения
О недопущении —
Никаких взрывов ни в длину, ни в ширину,
Ни в Сан Франциско, ни к Клину.
Подписываюсь под этим Соглашением,
Улучшающим человеческие отношения!
Долой взрывы! И — не только взрывы,
Но и плохие в душе мотивы,
Долой все эгоистические подоплеки,
Долой вражду на все сроки —
Пусть будет Мир,
Без всяких лукавств и придир,
Над людьми командир!
Это соглашение
Принять к немедленному исполнению.
Всех уступчивых и всех властных,
Черных, белых, желтых и красных,
Всех счастливых и всех несчастных,
Не взирая ни на какие лица,
Просим к соглашению присоединиться, —
Запретить взрывы, склоки и дрязги,
Подозрения, крики, ши́пы и лязги,

По всем сердцам, городам и районам.
Пусть не несется больше ни охов, ни стонов
Ни с каких земных этажей,
Ни от жен, ни от мужей.
Пусть не взрываются в мире никакие гадости,
А происходят лишь «взрывы радости» —
Вдалеке и близко
В высоте и низко,
И в Клину, и в Сан Франциско . . .
Русский человек — будь здоров!
Твой друг,

Американец Иван Иванов.

## ТАЯНЬЕ НОГ

## ИЛИ БАЛЛАДА О ХРАБРОМ АМПУТИРОВАННОМ СОЛДАТЕ ИННЕ

Трудно к небу возвышаться,
Надо людям понемножку
Просыпаться, проливаться
На небесную дорожку.

Тают ноги в мире тленном
И в раю не нужны, вроде.
И дороги постепенно
От земных солдат уходят.

Уменьшаются границы
Меж столетьем и мгновеньем
И нельзя остановиться
В этом таяньи и тленьи.

Знает Инна все волненья,
Без сомненья и причуды,
Но поверил Инна в чудо
Жизни новой — воскресенье.

Знает Инна все дороги,
Исходил он землю боем,
Не нужны солдату ноги,
Если стал солдат героем.

Кротко людям улыбаясь,
Как своим единоверцам,
Воин Инна, уменьшаясь,
Остается только с сердцем.

Не нужны другие части
Тела бренного, земного,
Только в сердце наше счастье,
Счастья нет у нас иного.

1974

## ЛУНДИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ

«Пафос, не подкрепленный иронией, неполноценен, — как и ирония, не подкрепленная пафосом».

Киркегард

Экуменических затей
Земля была полна от века.
Являл таинственный Антей
Земную силу человека,
И Прометей искал небес,
Харон возил все души в лодке,
И шел по миру Геркулес,
Ломая все перегородки.
Но это все была игра —
Поймите, люди, ум настроив,
Что миновала та пора
Экуменических героев,
Что ныне всем открыта дверь
К дерзанию в честном народе,
И мир земной стоит теперь
В своем *лундийском* периоде.
О человечество, дитя
Высоких истин и понятий,
Тебе сказали не шутя,

Что состоишь ты всё *из братий*.
Пусть все хотят друг друга съесть
И мстят друзьям своим до гроба,
И даже средь монахов есть
Теологическая злоба,
Единодушия закон
Сокрыт от вечности глубоко.
Да будет миру явен он
И узрит человечье око
Объединенных христиан,
Смиренье их и единенье.
Уже обняло много стран
Великолепное движенье, —
Лозанна, Эдинбург и Лунд,
Вот вехи этого усилья,
Положен под ногами грунт
И за спиной раскрыты крылья.
Раскаявшийся теолог,
Усилье нужное содеяв,
Создать средь христианства смог
Тип *книжников — не-фарисеев*,
Сей образ кротости и простоты,
Явлений и стремлений новых.
Не нужно отбегать за три версты,
Чтоб с кальвинистом говорить суровым;
Вас квакер не раздавит простотой,
Как будто не имеющей пределов,
И в силах сохранить вы свой устой,
Устоев мировых не переделав.
Таков был несомненный результат

Экуменических сношений.
Смиренный человек смиренью рад,
А гордый входит в сферу раздражений
И остается, словно Гибралтар,
Скалою недоступною для братства,
Не понимая, что земной пожар
Уничтожает и его богатство,
И ангелы, торжественной рукой,
Чрез города, селенья и пустыни
Уже несут простым сердцам покой
И истребляют всякую гордыню.

Пусть много в мире всяких спорных тем
И есть неутешительные лица,
Но по-апостольски «для всех быть всем»
Нам надо, братья, чтобы обновиться.
Старокатоликов и англикан
Высоких чтить — не велика заслуга;
Вот полюби шотландских пуритан,
Найди среди баптистов друга
И с квакером войди в покой небес,
Им православье открывая, —
Тогда поймешь, где мир святых чудес
И где потерян ключ от рая.
От рая ключ не в Павле, не в Петре,
Не в Алексие иль Афинагоре,
А в той уже поднявшейся заре,
Которая блистает в братском взоре,
Несущем людям мир и благодать.
В том зреет совершенство рая,

Кто может *истину с любовью* дать,
Святое православье открывая.
Афинагор нас призывал к любви,
Флоровский поучал смиренью
И христиане мира возрасли
В смиренном чувстве и терпеньи.
Громадка-чех, нам горячо сказал,
Что люди всюду дали пищу бесам
И христианского терпенья идеал
Не разделен железным занавесом.
Влияние небогословских тем
На конференции свели почти к нулю мы,
И потому легко там было всем,
А венгры были так угрюмы.
Собралась в Лунде также молодежь,
Которую высоких распрей демон
Не мучил вовсе, и, как рожь,
В ней православье сеял Шмеман.
И в христианстве таял древний лед,
*И соглашаться соглашались люди,*
Чтоб вместе всем идти вперед,
Как братьям и друзьям, *а не как судьям.*
В формулировках, генералы слов
Свои войска легко вели к победам
И засыпался разделений ров
За ужином и за обедом.
Китаец, африканец, немец, чех,
Американец, австралиец, русский,
Индиец и француз — не перечислить всех —
По-английски, немецки и французски

Держали речь друг другу, как друзья,
Молились вместе Богу, как умели,
И радость подлинного бытия
Вела людей к одной высокой цели.
И каждый в Лунде белый делегат
Был исповедником комиссий,
И каждый черный был так рад
Взлетать до самых светлых высей.
И истина простая без прикрас
Явилась в Лунде нерушимо,
Что лишь любовь объединяет нас . . .
*И ничего другого не нашли мы.*

Есть истины рожденные в крови,
Есть истины небесного порядка.
Экуменизм родился из любви
И от ее большого недостатка.
Доселе человечество велось,
От Фотия и Николая,
От Гуса, Лютера, Кальвина — сквозь
Дискуссии . . . Подобно звукам лая,
Иль рева вепрей, средь глуши лесной,
Полемика шатала дух народов,
Рождая, вместо истины святой,
Теологических уродов.
И, сквозь века, старались люди бить
Друг друга лбом, и, в оправданье
Таких манер, твердили, что любить
«Иных, чем мы» — нет основанья.
И били богословы умным лбом

В сердца людей без сожаленья,
Покуда не ответил Седерблом
На греческое предложенье.
Нам надо смыть любовию простой
Речей холодных каменные горы,
Насмешку зла над всякой высотой,
Печать вселенского позора.
Пусть прячется неверье по углам
И святость древняя покрылась пылью,
Нельзя уже теперь, конечно, нам
Закосневать в бездумьи и бессильи.
Неверие несет свой темный бунт
И звуки бранные над миром все слышнее.
Вздохнем с улыбкою, — да, есть еще Корея,
Но в мире есть и Лунд.

1952.

## ЛАДОШКА

Однажды кулачок ладошку вопросил:
«Скажи, родная, сколько нужно сил,
Чтоб победить тебя?» Ладошка покраснела,
Она судить о силе не умела.

Не забывай, мой друг, что как земля старо,
В ладони, а не в чем ином твое добро.
Ладонь открой и другу, и соседу —
В ладони, а не в чем ином, твоя победа.

## ПИСЬМО К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Толпитесь, люди, друг у друга,
Внимайте вздохам и словам.
В часы заботы и досуга
Лепитесь к дружеским сердцам.

Нет в мире сладостней, чем та,
Неуловимая от века,
Союзов дружеских черта
Над легким тленом человека.

## НА ИСПРАВЛЕНИЕ ОПЕЧАТОК

Жизни нашей опечатки
Не всегда возмешь и снимешь.
Но поэта ждет палатка
По дороге в Город Китеж.

Пребыванье в той палатке
Исправляет опечатки.

## ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

В делах благих он не был Моисеем
И оставался к ближнему глухим.
И даже книжником он был плохим,
Хорошим был он только фарисеем.

## АВТОРСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Лирическая ирония,* есть попытка понять границы человеческой открытости миру. Это осознание и своего несоответствия глубинам жизни. Киргегард прав, пафос без иронии несостоятелен, как и ирония неполноценна без чистого жизнеутверждения.

Книга написана между 1952 и 1974 годами. Бóльшая часть ее материала публиковалась в периодических изданиях Европы и Америки.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Склады издания
„Les Editeurs Reunis“
11, rue de la Montagne Sainte-Genevieve
Paris 5 e

A. Neimanis, Buchvertrieb
8 München 40, Bauerstrasse 28